

Кобец О.В., кандидат исторических наук, доцент, заведующая аспирантурой Смоленского государственного университета спорта (Россия)

ПОПЫТКИ БЕЛОРУСИЗАЦИИ В ПРИГРАНИЧНЫХ РОССИЙСКИХ РЕГИОНАХ В 1920-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ БРЯНСКОЙ ГУБЕРНИИ)¹

После решений X и XII съездов РКП(б) по национальному вопросу белорусизация стала частью политики коренизации не только непосредственно в самой Белоруссии, но и в российских регионах с компактным проживанием белорусского населения. В первую очередь это касалось приграничных Псковской, Смоленской и Брянской губерний. Формат политики белорусизации в регионах РСФСР был более узким в сравнении с национальной республикой, и в основном предполагал введение в школах белорусского языка, перевод отдельных школ, изб-читален и др. учреждений на белорусский язык. Однако на практике реализация и этих установок центральной власти шла трудно и сдерживалась некоторыми как объективными, так и субъективными факторами/обстоятельствами. Во-первых, на Брянщине, как и в других приграничных с Белоруссией регионах, белорусское население проживало не компактными группами, как, например, колонии латышей, а в основном рассредоточивалось по разным деревням, значительно перемешиваясь с русским крестьянством и саморусифицируясь, приписывая себя к великорусскому этносу и определяя для себя родным русский язык. Местные власти хорошо использовали данное обстоятельство, и максимально оттягивали практические действия по белорусизации, которых от них требовали центральные власти. Во-вторых, Брянская губерния в 1920-е годы с полным на то основанием считалась индустриальным регионом, особенно Бежицкий и Клиновский уезды. Потому не удивительно, что брянские власти были гораздо больше сосредоточены на вопросах развития промышленного потенциала, а разного рода аспекты национальной политики оставались в стороне. По этой же причине вопросы национальных школ не являлись приоритетными и для губернского отдела народного образования, тем более в условиях подготовки к введению всеобщего обучения.

Ключевые слова: советская национальная политика, коренизация, белорусизация, российско-белорусское приграничье, Брянская губерния.

DOI: 10.22281/2413-9912-2025-09-02-53-63

Введение. Общее направление новой советской национальной политики было выработано и принято X съездом РКП(б) в марте 1921 г. В резолюции съезда партийные организации призывались: «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя

прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке (в первую голову для киргизов, башкир, туркмен, узбеков, таджиков, азербайджанцев, татар, дагестанцев) для ускоренной подготовки туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийных работников по всем областям управления и прежде всего в области просвещения» [11, с. 603-604].

В предшествовавшем прениям и резолюции докладе Сталина решение национальной вопроса в советской России

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00859, <https://rscf.ru/project/24-28-00859>

© Кобец О.В.
© Kobets O.V.

виделось наркомом в уничтожении той хозяйственной, политической, культурной отсталости национальностей, которую они унаследовали от прошлого, «чтобы дать возможность отсталым народам догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношении» [11, с.184].

То есть в докладе Сталина речь шла об «отсталых народах». Но при этом в резолюции съезда перечень невеликороссов, составлявших 65 миллионов человек, т.е. почти половину от 140 миллионного населения страны, начинался с украинцев и белорусов, которые явно не относились к «отсталым нациям». Тем не менее, они попали в список 22 «окраин», которые отстали в своем развитии от центральной России и им требовалось помочь «развить у себя советскую государственность на родном языке» [11, с. 212].

XII съезд РКП(б) (март 1923 г.) поставил уже более «узкие» задачи в национальном вопросе, особенно выделив необходимость борьбы с великодержавным шовинизмом посредством политики коренизации с тем, чтобы «... органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов; ... были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства ...» [11, с. 696].

На съезде после прекращения прений дополнительно работала даже отдельная секция. Но при этом нигде, ни разу, никто не употребил слово Белоруссия при обсуждении национального вопроса. Не «попала» Белоруссия, как в свое время на десятом съезде, и в перечень «отсталых народов» в части культурного развития, хотя более развитой Украине избежать этого не удалось: «В этих условиях разговоры о преимуществах русской культуры

и выдвигание положения о неизбежности победы более высокой русской культуры над культурой более отсталых народов (украинской, азербайджанской, узбекской, киргизской и пр.) являются ни чем иным, как попыткой закрепить господство великорусской национальности», зафиксировал съезд партии [11, с. 693-694]. В выступлении Н.И. Бухарина Украина стала первым из названных им примеров регионов с высокой остротой национального вопроса из-за петлюровщины в правобережной части республики [11, с. 611]. В Белоруссии такого рода проявлений национализма не было.

Со времени съезда коренизация в регионах страны стала реализовываться в русле специфических национальных направлений: белорусизации, украинизации, татаризации, узбекизации, якутизации и т. д. При этом приграничным российским регионам, в первую очередь западного (белорусского) и юго-западного (украинского) направлений, предписывалось также максимально активно включиться в процессы коренизации в районах компактного проживания национальных меньшинств.

Очевидно, что последнее обстоятельство диктовалось в первую очередь внешнеполитическим фактором – надо было показать мировому сообществу максимальную поддержку советской властью национальных меньшинств в противовес политики колонизации в перешедших Польше по Рижскому мирному договору западных белорусских и украинских землях.

Однако в реальной жизни все оказалось гораздо сложнее, нежели в призывах делегатов и в постановлениях партийных форумов и государственных органов власти: белорусизация в российских регионах, даже в сравнении с украинизацией, шла трудно, а на начальном этапе нередко и тормозилась. И связано это было с несколькими как объективными, так и субъективными факторами/обстоятельствами.

Объект и методы исследования. Объектом настоящего исследования

является новая национальная политика советской власти, основные направления которой были определены решениями X и XII съездов РКП (б) и получили общее название – «коренизация». Непосредственно предметом исследования стала практика белорусизации в приграничных российских регионах на примере Брянской губернии, существенно отличавшейся по промышленному потенциалу от Смоленской и Псковской губерний. Основное внимание уделено выявлению причин имевших место трудностей в проведении белорусизации, сдерживающих этот процесс в 1920-е годы субъективных и объективных факторов.

Исследование подготовлено на основе документов брянских архивов – Государственного архива Брянской области (ГАБО) и Центра документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО), впервые вводимых в научный оборот, а также публикаций в официальном печатном органе местной власти – газете «Брянский рабочий». Для достижения поставленной цели использовались такие специальные исторические методы, как описательный, историко-системный, историко-типологический, сравнительно-сопоставительный анализ.

Результаты и их обсуждение. Начнем с национальных особенностей белорусов, о которых еще в середине XIX века писал возглавлявший смоленский отряд по обследованию крестьянских хозяйств губернии Я.А. Соловьев в работе «Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии» [12]. Сравнивая великорусского крестьянина и белоруса, автор дает такое описание: «Обозревая ту и другую часть Смоленской губернии, с первого взгляда представляются резкие различия в характере народонаселения: в жилищах, домашней утвари, пище, одежде; одним словом, во всем, что касается народного характера, домашнего быта и хозяйства крестьянина. В восточной части губернии видная удаль русского

крестьянина, подчас соединенная с буйным разгулом жизни. Видна сметливость, которой так прославился русский человек. Во всем заметна деятельность, заботливость об участии своего семейства, изворотливость при отыскании средств к жизни. Все это исчезает в западной части губернии, населенной белорусскими крестьянами, с народным типом апатическим и вялым, с пренебрежением к удобствам жизни, с недостатком сметливости, наконец, с терпением и некоторого рода добродушием не по сознанию, а по лености. Этим самым, между прочим, объясняется, почему на больших дорогах в белорусских уездах лишь изредка попадаются деревни. Белорусский крестьянин прячется в поселках, между тем, как великорусский любит строиться на больших дорогах, где он, при своей деятельности и сметливости, нередко зарабатывает себе лишнюю копейку» [12, с. 100].

Из данного пространного абзаца для нас интересен тезис о поселении белорусов вдали от дорог, поскольку именно по этой причине местные власти в 1920-е годы будут долго, а иногда и безуспешно, пытаться ответить на вопрос: а сколько реально в том или ином уезде проживает белорусов.

Здесь можно было бы сразу возразить, мол, имелись переписи населения 1897, 1920 и 1926 годов, где представлена достаточно полная картина национального состава не только уездов, но и волостей. Однако на местах особого доверия к официальной статистике не было. И это касалось только вопроса о численности белорусского населения в российских регионах. Все было понятно с евреями, поляками, немцами, латышами, эстонцами, и даже с украинцами. Количество же белорусов будет оставаться до конца не решенной проблемой на протяжении всех 1920-х годов, и даже перейдет таковой в начало 1930-х годов.

На первое место здесь выдвинется вопрос о языке. Местное великорусское

население, а вместе с ним и региональные власти, будут воспринимать белорусский язык лишь как своеобразный говор русского языка. А из этого следовало, что поскольку самостоятельного/отдельного белорусского языка нет, то нет и белорусского вопроса, то есть, нет никаких оснований занимать белорусизацией: создавать отдельные белорусские школы, избы-читальни, красные уголки, детские сады, национальные сельсоветы, переводить делопроизводство местных органов власти на несуществующий белорусский язык и т.д. Другими словами, у волостных и уездных руководителей российских приграничных регионов (Псковская, Смоленская и Брянская губернии) имелся и применялся один и тот же аргумент: у нас белорусов нет.

И, если исходить из основного требования к белорусизации в российских регионах – осуществлять эту политику только в местах «компактного проживания» национальных меньшинств, то тезис об отсутствии белорусов был достаточно обоснованным: плотных, компактных мест проживания белорусского населения в трех указанных российских губерниях было совсем незначительное количество. Белорусское население в основном сосредоточивалось по разным деревням, значительно перемешиваясь с русским крестьянством.

Местные власти хорошо использовали данное обстоятельство и максимально оттягивали практические действия по белорусизации, которых от них требовали центральные власти.

Уже в сентябре 1921 г. утвержденное секретарем ЦК РКП(б) В.М. Молотовым положение о подотделах нацменьшинств и нацсекциях агитпропотделов партийных комитетов предписывало ведение на родном языке агитации и пропаганды среди рабочих и крестьян национальных меньшинств, находящихся «вне своей автономной области или республики, или вовсе не имеющего такового в пределах

РСФСР» [17, л. 44].

Однако на местах это не рассматривалось как имеющее отношение к украинцам, а тем более к белорусам.

Так Брянский губком РКП (б) даже в 1924 г. в своем отчете о работе среди нацменьшинств называет конкретные цифры только трех национальностей из общего числа 5 тысяч: 1600 латышей, 1 тыс. эстонцев и 600 немцев. Оставшиеся две тысячи попадали в категорию «разных» без какой-либо детализации [13, л. 25]. А в отчете агитпропа Брянского губкома в 1925 г. прямо говорится, что «раньше работа велась только между латышами и эстонцами, ныне начата среди евреев и немцев. Среди других нац. меньшинств работа вестись в этом году не предполагается» [13, л. 118].

О белорусах речи в это время нет вообще. При этом примечательно и общее далеко не положительное отношение к национальным меньшинствам: «Обследованием установлено, – читаем в отчете, – что среди нацменов никакой работы ни кто не ведет, и низовые совработники, и даже партработники настроены враждебно к нацменам по следующим мотивам: ... к евреям относятся враждебно, принимая вообще евреев за спекулянтско-торгашеский элемент, ... на колонистов (эстонцев, латышей и немцев) смотрят как на предстателей кулачества» [13, л. 210-211].

Отмечается общая уже указанная нами ранее трудность работы с нацменьшинствами: «... население разбросано в виде отдельных хуторов и мелких поселений, поэтому нет возможности иметь работников на местах, а для передвижников требуются большие средства» [14, л. 98]. Здесь, в первую очередь, имелись в виду колонии латышей, эстонцев и немцев, стремившихся жить уединенно и относительно компактно. Но данное замечание вполне приемлемо и для белорусского населения, хотя оно в середине 1920-х годов все еще не выделяется, как и украинское, из состава великорусского этноса.

Белорусская тема, вместе с украинской, всплывает в работе Брянского губкома ВКП (б) только весной 1926 г., когда на заседании секретариата губкома прозвучали несколько странные заявления ответственных за нацработу партийных функционеров. Называется общая цифра национального населения в губернии – 26 200 человек. Затем следует утверждение, что «работа ведется среди 17 000 национального населения». И далее прямое признание: «Среди Белорусского и Украинского населения работы не ведется» [14, л. 124]. В ответе же на вопрос о национальном составе нацменьшинств докладчик Я. Штауэр приводит такие цифры: «11 000 евреев, 1 ½ тысячи латышей, 600 эстонцев, 600 немцев, 2.000 поляков и др.» [14, л. 124]. И никого не смущает, что в сумме не только не получается 17 тысяч, но и полностью «выпадают» из поля зрения около 9 тысяч белорусов и украинцев, в отношении которых просто фиксируется, что работа с ними не ведется вообще. То есть, они уже зачислены в категорию нацменьшинств, но это все еще не означало необходимости работы с ними. Никаких объяснений такому положению дел не давалось.

Впервые конкретные цифры белорусов и украинцев называются в объемном 8-страничном годовом отчете заведующего подотделом нацменработы Брянского губкома партии А. Цельмса о работе среди национальных меньшинств за период с 1 января 1926 по 1 января 1927 г. При этом в списке нацменьшинств они стоят первыми: украинцев – 5000 человек, белорусов – 3 600 [15, л. 82]. Получается, что белорусы и украинцы как бы «появились» в Брянской губернии только после и в результате присоединения к ней в декабре 1926 г. трех уездов бывшей Гомельской губернии (Стародубского, Новозыбковского, Клинцовского). Согласно отчету, компактно проживали в губернии латыши, эстонцы, немцы и евреи. В части других следовало утверждение:

«Белорусы, украинцы и литовцы частью ассимилировались, частью разбросаны среди основной массы населения и среди них особой работы не ведется» [15, л. 83].

В январе 1928 г. на совещании по работе среди нацменьшинств в Брянской губернии в докладе уполномоченного по данной работе говорилось, что «систематическая работа по обслуживанию нацменьшинств в Брянской губернии «началась только с 1927 года, т.е. с момента присоединения трех уездов бывшей Гомельской губернии. До этого работа носила «более или менее случайный характер» [4, л. 17]. «Слабым местом» в нацработе признавалось «полное отсутствие работы среди украинцев и белорусов» [4, л. 17], количество которых резко выросло: цифра украинского населения составляла 132 тысячи человек, а белорусского – превысила 21 тысячу человек [4, л. 17].

«Отсутствие работы среди украинцев и белорусов» называлось основным недостатком в нацменработе и в январе 1928 г. на заседании президиума Брянского губисполкома при рассмотрении вопроса «О результатах обследования состояния нацменработы в губернии» [7, л. 51]. И уже предлагалось Клинцовскому уездному исполкому «в виде опыта» выделить один белорусский сельсовет и ввести в нем родной язык [7, л. 51]. При этом местные власти, особенно уездного уровня, в свои постановления, в целом звучавшие позитивно в адрес белорусизации, всегда, говоря и о необходимости перевода школ на родной язык, и об обязательности развертывания национальной сети культурно-просветительных учреждений, подстраховывались расплывчатым во временном плане словом – «постепенно» [7, л. 51].

Весной того же 1928 г. даже Брянский губком ВКП (б) признавался, что при имевшихся «некоторых достижениях» в нацменработе в целом, никак не получалось «приспособить наш

партийный аппарат к работе среди таких нацменьшинств, как украинцев и белорусов» [16, л. 257].

Показательным для понимания отношения местных властей к вопросам белорусизации является реакция брянского губернского руководства на предписания Президиума ВЦИК РСФСР от 26 марта 1928 г., принятые по результатам рассмотрения вопроса по докладу Брянского губисполкома «О состоянии нацменработы в Брянской губернии» [4, л. 16, 16 об.].

Резолюция Президиума ВЦИК вначале констатировала «некоторое оживление» работы по обслуживанию «части нацменьшинств» в губернии. Но к этой части относились лишь евреи, латыши и эсты. Само же «оживление» выражалось в «усилении руководства нацменработой по кооперированию нацменьшинств...; землеустройстве трудящихся евреев; ... росте и укреплении сети культурно-просветительных учреждений» [4, л. 16].

На этом фоне неким диссонансом звучит жесткое по своей форме замечание Президиума ВЦИК о том, что «до сих пор не поставлена работа по обслуживанию украинского и белорусского населения губернии, составляющего в совокупности 150 000 человек, т.е. 7,5% всего населения губернии» [4, л. 16].

В такой ситуации верховной российской властью Брянскому губисполкому предписывалось: «В местностях, где количественно преобладает украинское и белорусское население, организовать нацсельсоветы и нацволисполкомы и постепенно перевести делопроизводство всех соответствующих учреждений сельского и волостного значения на украинский и белорусский язык» [4, л. 16].

Пункт 4 постановления относился к работе со всеми нацменьшинствами губернии. Он гласил: «... в местностях, где количественно преобладают нацменьшинства или где имеются весьма значительные группы нацменьшинств, в дальнейшей работе по линии народного

образования иметь в виду необходимость перевода школ нацмен первой ступени на родной язык, а по линии суда – организацию судебных камер на языках нацмен» [4, л. 16].

Исполнение данного требования центральных властей Брянским губернским отделом народного образования было, по меньшей мере, своеобразным. Было решено вначале обследовать два присоединенных недавно от Гомельской губернии уезда – Клинцовский и Стародубский. Специальной экспедиции предписывалось изучить разговорный язык, быт, обычаи, обряды, жилища и даже способы передвижения и обработки земли. Зачем такая объемная работа? По мнению губоно, только «таким комплексом всех перечисленных признаков возможно установить несомненную принадлежность изучаемой народности к той или иной национальной группе» [4, л. 14]. То есть вначале следовало понять сколько и где есть белорусов.

Далее пояснялось предварительное толкование сути проблемы. Географические условия Брянской губернии, находящейся на стыке трех национальных групп: великороссов, белорусов и украинцев «заставляют особенно вдумчиво отнестись к разрешению этого важного и актуального вопроса. На границах нашей губернии возможно наблюдать явления, которые в этнографии именуется «переплетами», т.е. такие явления, когда две национальных группы от близкого взаимного соприкосновения утрачивают часть своих особенностей и воспринимают другую часть от соседей. В таких случаях группы эти, составленные из разных элементов, могут предоставлять из себя нечто единое, т.е. не великороссов и не украинцев, или не великороссов и не белорусов, а слияние этих национальностей, т.е. «переплет» [4, л. 14].

С одной стороны, брянские власти вроде бы и не саботировали требования ВЦИК о необходимости перевода школ на

родной язык – они работали над вопросом; с другой же, губисполком напрямую увязывал возможное рассмотрение вопроса «о целесообразности перевода школ национальных меньшинств на родной язык» с результатами детального обследования уездов со стороны губернского отдела народного образования.

При этом Стародубский уездный отдел народного образования сразу сообщал в Брянский губоно, что еще при обследовании уезда в составе Гомельской губернии в 1924-1925 учебном году «оснований для перевода части школ на украинский язык найдено не было». А «с трудом переведенные на белорусский язык» после соответствующей агитации среди населения четыре школы вновь «перешли на русский язык» после упразднения в штате уОНО белорусского инспектора [4, л. 10 об.].

Правда, уже в августе 1928 г. губоно доводил до сведения президиума Брянского губисполкома, что в Стародубском уезде 9 школ переводились на украинский язык, а в Клинцовском уезде (Гордеевская волость) – 2 школы на белорусский язык. В этих же уездах вводились должности нацинспекторов: в Стародубе – украинец, в Клинцах – белорус [4, л. 21].

Для Брянского губернского отдела народного образования вопросы национальных школ были, конечно, не приоритетными. На первом месте в части школьного строительства стояли промышленные центры губернии. И, не удивительно, что в отчете губоно в Наркомпрос о состоянии дел в рабочем Бежицком уезде Брянской губернии по итогам 1927 г. дается впечатляющий перечень металлообрабатывающих предприятий с указанием численности рабочих: парово-вагоно-строительный завод «Профинтерн» – 14 тыс. рабочих, Людиновский – 4,5 тыс. рабочих, Песоченский чугунолитейный – 1300 человек, Урицкий – 1500, Сукремльский – 1000, Любоховский – 300 человек, всего – 22/ 23 тысячи рабочих. К этому перечню следовало добавить и другие

производства уезда: Песоченская фаянсовая фабрика, Дятьковская хрустальная, Бытошевская, Ивотская, Чернятинская стекольные фабрики и цементный завод. Все это было сосредоточено только в Бежицком уезде [3, л. 110].

В этом районе обучалось почти 10 тысяч детей металлистов: около 6 тысяч в школах первой ступени и 4 тысячи – повышенного типа [3, л. 110 об.]. Именно сюда требовались вложения по линии губоно в первую очередь, а не на белорусизацию или украинизацию. В построенную в Бежице школу 7-летку сразу было набрано 18 групп учащихся. Новая 7-летка была открыта в Урицком поселке. В Песоченском поселке 7-летка расширялась под 9-летку. Новые школы – одна первой ступени, вторая 9-летка начали строиться в Людиново. При этом все школы первой ступени работали в две смены [3, л.111-112]. Очевидно, что вопросы индустриального Бежицкого уезда для губернских властей были в неоспоримом приоритете.

К тому же индустриальный потенциал Брянской губернии значительно возрос и благодаря трем новым уездам, где основными группами рабочих были текстильщики, химики и кожевенники [2]. Город Клинцы, например, по промышленному потенциалу был даже больше губернского Гомеля. В Клинцовском текстильтресте особенно развито было суконное производство. На Стодольской фабрике им. Ленина работало 1544 человека; на Глуховской – 900 человек, на Троицкой – почти 300 человек. Кроме суконного производства в составе Клинцовского треста имелись Зубовская пенькошпагатная фабрика им. Троцкого – 1253 рабочих, чугунно-литейный завод им. Калинина – 60 человек. В 30 верстах от Клинцов на реке Ипуть находилась Суражская бумажная фабрика «Пролетарий» – 530 рабочих, выпускавшая древесную массу, бумагу, картон. В уезде также было развито производство пеньки, швейная промышленность,

производство металлических изделий, типографское дело, добыча торфа, кожевенная промышленность [2]. В Новозыбковском уезде – основным было спичечное производство: фабрика «Волна революции» – 1836 рабочих, «Революционный путь» в Злынке – 370 человек. В уезде была хорошо развита обработка пеньки [2]. Только в Стародубском уезде не было крупного производства.

Не удивительно, что брянские власти были гораздо больше сосредоточены на вопросах развития промышленного потенциала, а разного рода аспекты национальной политики оставались далеко в стороне. Косвенно это подтверждает и доклад «Основные достижения в хозяйственном и культурном строительстве Брянской губернии к десятилетию Октябрьской революции» председателя исполкома И.Д. Дичева на юбилейном пленуме Брянского губисполкома 28 октября 1927 г. Докладчик с нескрываемой гордостью говорил, что Брянская губерния в полной мере может называться «губернией промышленной, т.е. губернией, где промышленность имеет значительный удельный вес» [1]. И приводил цифры: по общей стоимости продукции промышленность занимала в 1926-27 г. 43%, при этом стоимость продукции средств производства составляла 63%, а средств потребления – 37%. Количество рабочих в ценовой промышленности составляло почти 50 тысяч человек [1].

И здесь задачи промышленного развития и нацстроительства как бы пересекались. На уровне губисполкома не однажды ставилась задача, как в феврале 1928 г.: «продолжать вовлекать нацменьшинства в промышленность в качестве рабочих», а также в техникумы и школы фабрично-заводского ученичества «особенно в части тяжелой промышленности и транспорта» [7, л. 4].

Еще в 1926 г. Брянского губисполком утвердил план введения всеобщего обучения в губернии. На тот момент вся сеть

школ первой ступени в сельской местности охватывала только 50% детей школьного возраста. На 1927/28 учебный год планировалось достичь 85% охвата детей школой [8, л. 36]. Разработчики Плана исходили из того, что необходимо было исполнять директивные указания о введении в 1933/34 г. всеобщего обязательного начального обучения, а с 1927/28 учебного года – общедоступности обучения. Первая позиция означала создание такой сети начальных школ, которая бы охватывала все 100% детей школьного возраста (8-11 лет). Вторая означала формирование сети школ с охватом 85% детей школьного возраста. Нагрузка для учителей к этому времени должна была стать не более 40 учеников на учителя [5, л. 1]. Для реализации этих планов требовалось построить в первые пять лет плана 426 новых школ, расширить 301 и капитально отремонтировать 217 школ. И это задачи только по начальной школе! [5, л. 8]. А еще требовалось предусмотреть в бюджетах отделов народного образования расходы на оказание помощи обувью, одеждой и горячими завтраками детей беднейшего населения в количестве 25% от всего числа учащихся и обеспечение всех учащихся учебниками и канцелярскими принадлежностями [6, л. 20].

В такой ситуации местным властям приходилось выбирать, что важнее. И очевидно, что вопросы национального строительства не попадали в разряд первостепенных.

В августе 1929 г. состоялось первое областное партийное совещание только что созданной Западной области по работе среди национальных меньшинств. Цифра последних была значительной – около 400 тысяч человек. Но при этом население нацменьшинств области, вобравшей в себя всю Смоленскую и Брянскую губернии, часть Калужской и Псковской губерний, характеризовалось как «распыленное» [18, л. 16]. Такая оценка имела непосредственное отношение и к белорусам. В значительной степени именно по причине своей

«распыленности» 78 тысяч белорусов не имели ни одного своего сельского совета, у 136 тысяч украинцев было два национальных сельсовета, а всего в Западной области их насчитывалось 26 (латышские, эстонские, еврейские...) [18, л. 13].

Более организованными в этом вопросе были брянские латыши. Например, Балтийский сельсовет в Жуковском районе Брянского округа делопроизводство на национальный язык не переводил, но вся культпросветработа проводилась здесь через национальную школу и национальную избу-читальню на родном языке. Проживало на территории сельсовета 458 человек [7, л. 43]. У белорусского же населения потребности в создании своих национальных сельских советов не было, их в полной мере устраивали «русские» сельсоветы, представлявшие одинаково интересы всех национальностей на своей территории.

При пассивном и безразличном отношении к задачам белорусизации самого белорусского населения губернии ожидать каких-либо значимых результатов в этой работе не приходилось. Потому и в начале 1929 г. в отчете «О состоянии нацмен работы в Клинцовском уезде» признавалось «полное отсутствие в части обслуживания белорусов и украинцев». При этом серьезное оценочное замечание, что это создавало «искривления в нацменполитике» [9, л. 1 об.] никак не означало каких-либо, а тем более существенных подвижек в этом вопросе в дальнейшем.

Заключение. Белорусизация в российско-белорусском приграничье (Псковская, Смоленская, Брянская губернии), инициированная Москвой, и находившаяся под ее пристальным вниманием, в первую очередь в лице Совета национальных меньшинств Наркомпроса и Президиума ВЦИК РСФСР, продвигалась на местах трудно. Региональные власти не саботировали этот процесс: вопросы национальной политики не обходились вниманием, но в первой половине 1920-х

годов обсуждались в основном проблемы еврейского населения, латышей, эстонцев, поляков, немцев. Белорусская, а параллельной с ней и украинская тематика встанут в повестку дня только в самой середине десятилетия, когда в результате упразднения Витебской губернии в состав Псковщины перейдут Невельский, Себежский и Велижский уезды, в состав Брянской – три уезда от бывшей Гомельской губернии – Клинцовский, Новозыбковский и Стародубский, Смоленская губерния передаст Белоруссии Мстиславльский и Горецкий уезды.

В итоге общее число белорусского населения в приграничных российских регионах, конечно, возрастет. И это даст весомое основание центральным органам требовать от местных властей усиления работы с белорусским национальным меньшинством. Однако само по себе увеличение числа белорусов не означало компактности их проживания, на что как раз и нацеливали регионы центральные власти. В основном белорусское население было рассредоточено по множеству деревень и вполне комфортно сосуществовало впережку с русским крестьянством. При этом с конца XIX века шел интенсивный процесс саморусификации белорусов в российских регионах: проводившиеся переписи населения позволяли им или записывать себя в русский этнос, или выбирать своим родным языком русский, или и то и другое вместе. Такие обстоятельства давали основания региональным властям утверждать – «У нас белорусов нет» и не спешить с реализацией задач по белорусизации.

Особенностью Брянской губернии в дополнение к этому был ее высокий, в сравнении с двумя другими губерниями, индустриальный потенциал, что служило хорошим «зонтиком» от постоянных установок Москвы на проведение как колонизации в целом, так и украинизации и белорусизации в частности. Здесь хорошо срабатывал аргумент приоритетности

работы с нацменьшинствами в промышленных центрах губернии, вовлечения их в производство и в учебные заведения технического профиля. В целом же белорусизация в Брянской губернии в 1920-е годы будет идти медленно и во многом

формально, а в самом начале 1930-х годов приоритетность ее вновь отодвинется такими гораздо более важными задачами, как борьба с кулачеством, коллективизация, антицерковная кампания, и, конечно, необходимостью введения всеобщего

Список литературы

1. Брянский рабочий, 1927, 30 октября.
2. Брянский рабочий, 1927, 4 января.
3. ГАБО (Государственный архив Брянской области). Ф. 84. Оп. 1. Д. 542.
4. ГАБО. Ф. 84. Оп. 1. Д. 1126 (ч.1).
5. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1362.
6. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1708.
7. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 1922.
8. ГАБО. Ф. 85. Оп. 1. Д. 875.
9. ГАБО. Ф. Р-1013. Оп. 1. Д. 868.
10. Двенадцатый съезд РКП /б/. 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет Москва, Издательство политической литературы, 1968. 921 с.
11. Десятый съезд РКП/б/. Март 1921 года. Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы. 1963 г. 937 с.
12. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии / сост. Яковом Соловьевым, нач. б. Смолен. отряда уравнения гос. крестьян в денеж. сборах, на основании сведений, собр. этим отрядом. М.: изданием Учен. ком. М-ва гос. имуществ, 1855. 486 с. (Цит. по изданию: Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии. Смоленск: Универсум, 2011. 503 с.).
13. ЦДНИБО (Центр документации новейшей истории Брянской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1203.
14. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1390.
15. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1597.
16. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1646.
17. ЦДНИБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 198.
18. ЦДНИБО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 134.

ATTEMPTS AT BELARUSIZATION IN THE RUSSIAN BORDER REGIONS IN THE 1920S (USING THE EXAMPLE OF BRYANSK PROVINCE)

After the decisions of the 10th and 12th Congresses of the RCP (b) on the national question, Belorusization became part of the indigenization policy not only in Belarus itself, but also in Russian regions with a compact Belarusian population. First of all, this concerned the border Pskov, Smolensk and Bryansk provinces. The format of the Belorusization policy in the regions of the RSFSR was narrower in comparison with the national republic, and mainly involved the introduction of the Belarusian language in schools, the transfer of individual schools, reading huts and other institutions to the Belarusian language. However, in practice, the implementation of these directives of the central government was difficult and was constrained by some objective and subjective factors/circumstances. Firstly, in Bryansk region, as in other regions bordering Belarus, the Belarusian population did not live in compact groups, such as, for example, Latvian colonies, but was mainly dispersed among different villages, significantly mixing with the Russian peasantry and self-Russifying, ascribing themselves to the Great Russian ethnos and defining Russian as their native language. Local authorities made good use of this circumstance and delayed as much as possible the practical actions on Belorusization that the central government demanded of them. Secondly, in the 1920s, Bryansk province was rightfully considered an industrial region, especially the Bezhitsky and Klintsovsky districts. It is therefore not surprising

that the Bryansk authorities were much more focused on the issues of developing industrial potential, and various aspects of national policy were left aside. For the same reason, issues of national schools were not a priority for the provincial department of public education, especially in the context of preparations for the introduction of universal education.

Keywords: Soviet national policy, indigenization, Belorusization, Russian-Belarusian borderland, Bryansk province.

References

1. Bryanskij rabochij (1927) [Bryansk worker]. 30 oktyabrya.
2. Bryanskij rabochij (1927) [Bryansk worker]. 4 yanvarya.
3. GABO (Gosudarstvennyj arkhiv Bryanskoj oblasti) [State Archive of the Bryansk Region]. F. 84. Op. 1. D. 542.
4. GABO [GABO]. F. 84. Op. 1. D. 1126 (ch.1).
5. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 1362.
6. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 1708.
7. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 1922.
8. GABO [GABO]. F. 85. Op. 1. D. 875.
9. GABO [GABO]. F. R-1013. Op. 1. D. 868.
10. Dvenadcatyj s"ezd RKP /b/ 17-25 aprelya 1923 goda. Stenograficheskiy otchet (1968) [Twelfth Congress of the RCP (b). April 17-25, 1923. Verbatim report]. Moskva, Izdatel'stvo politicheskoy literatury. 921s.
11. Desyatyj s"ezd RKP/b/. Mart 1921 goda. Stenograficheskiy otchet (1963) [Tenth Congress of the RCP/b/. March 1921. Verbatim report]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury. 937 s.
12. Sel'skokhozyajstvennaya statistika Smolenskoj gubernii (1855) / sost. Yakovom Solov'evym, nach. b. Smolen. otryada uravneniya gos. krest'yan v denezh. sborakh, na osnovanii svedenij, sobr. ehtim otryado [Agricultural statistics of Smolensk province]. M.: izhdiveniem Uchen. kom. M-va gos. imushchestv, 486 s. (Cit. po izdaniyu: Sel'skokhozyajstvennaya statistika Smolenskoj gubernii. Smolensk: Universum, 2011. 503 s.).
13. CDNIBO (Centr dokumentacii novejshej istorii Bryanskoj oblasti) [Center for Documentation of Contemporary History of the Bryansk Region]. F. 1. Op. 1. D. 1203.
14. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 1390.
15. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 1597.
16. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 1646.
17. CDNIBO [CDNIBO]. F. 1. Op. 1. D. 198.
18. CDNIBO [CDNIBO]. F. 12. Op. 1. D. 134.

Об авторе

Кобец Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, заведующая аспирантурой Смоленского государственного университета спорта (Россия). E-mail: cobets.olga@yandex.ru

Kobets Olga Viktorovna – PhD in History, Associate Professor, Head of Postgraduate Studies at Smolensk State University of Sports (Russia). E-mail: cobets.olga@yandex.ru